

Ольга Дашкова

Искушение

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84(2Рос-Рус)

Д21

Дашкова О.

Д21 Испытание / О. Дашкова. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 282 с.

ISBN 978-5-517-13086-0

— Максим! Макс!

— Черт!

— С ума сошел?!

Звонкая пощечина оглушает, щеку жжет, Инга отталкивает меня, позволяю ей это, в груди все клокочет.

Так мне и надо.

Захотел то, что нельзя.

Она мое дикое испытание. Женщина, которая сводит с ума, о которой я не перестаю думать последнее время.

Все бы ничего, но она моя... мачеха.

BIC FP

BISAC FIC005000

© Дашкова О., текст, 2025

© Леола К., обложка, 2025

© RUGRAM, 2025

© Т8 Издательские технологии, 2025

ISBN 978-5-517-13086-0

ГЛАВА 1

Она вернулась. Понял это, как только зашел в квартиру.

Аромат духов с яркой нотой косточки вишни, ее любимых, ударил по рецепторам, наполняя легкие. В прихожей горит приглушенный свет, медленно убираю ключи от машины и квартиры на консоль, прохожу дальше, в ее комнату приоткрыта дверь.

Значит, Инга дома. Мне не кажется.

Она вернулась.

Ее не было два месяца, изредка только писала и звонила, интересовалась, словно невзначай, как там Максим проживает, как там ее пасынок. Не натворил ли чего? Не выгнали ли его из универа, не разбил ли тачку и не сжег квартиру с загородным домом?

Я не сжег ничего, но вот тачку поцарапал.

Не ждал звонков, но каждый раз, когда на экране высвечивались ее имя и фотография, где Инга стоит полубоком, в темных очках, на фоне солнца, утопающего в море, и ветра, развевающего темные волосы, сердце замирало.

Несколько секунд смотрел на экран и не торопился брать телефон.

Давал себе слово не отвечать, но рука не поднималась сбросить звонок. Возникла острая необходимость услышать ее тихий и уставший голос.

Инга — моя мачеха.

Да, она самая.

Вторая жена отца.

Когда она появилась в нашем доме шесть лет назад, мне было четырнадцать, жуткий возраст, когда все строится на протестах и противоречиях, а еще на бунтах. Я бунтовал, я ненавидел ее и отца, который так поступил, имел смелость быть счастливым и забыл маму.

Я ненавидел весь мир.

Новая жена отца была старше меня на одиннадцать лет, ей было двадцать пять, и я воспринимал ее как шлюху. Считал, что ей были нужны только деньги и положение отца, его бизнес. Ненавидел люто всех: ее, отца, даже мать, которая ничего лучше не придумала, как заболеть и умереть год назад, бросив меня.

Не понимал тогда, не хотел понимать ничего.

Сложное было время, даже вспоминать не хочу. Но меня разрывало изнутри, несколько раз сбегал из дома, добивался того, чтобы на меня обратили внимание, чтобы отец бросил Ингу. Но меня находили, списывали все на трудный переходный возраст, отводили к психологам.

Три года притирались, я видел ее слезы, то, как Инга пыталась наладить наши с ней отношения, то, как была добра и многое не рассказывала отцу про мои шалости. Но даже тогда ее доброту я принимал за попытки втереться в доверие, в нашу семью и разрушить ее.

Сейчас мне стыдно за то, что происходило, но я этого никак не покажу.

Не разуваясь, прохожу дальше, касаюсь пальцами пальто Инги, ее сумочка лежит на пуфике, рядом стоит чемодан —

значит, надолго приехала. Хорошо, что домработница убрала после нашей с ребятами вечерней тусовки.

Иду по коридору, заглядываю в спальню Инги, свет выключен, горит лишь подсветка под кроватью, слышен шум воды, останавливаюсь, сжимаю зубы до боли в челюсти. Хочу пройти дальше в ванную, даже делаю уже шаг, но останавливаюсь, ухожу на кухню.

Нет, я не должен этого делать.

Не должен подглядывать, как это было в семнадцать лет, когда я не понимал, что со мной происходит, и бушевали гормоны.

В кармане джинсов завибрировал телефон, чертыхнулся, вышел, звонила Машка, не стал отвечать, не до нее сейчас.

— Максим? Ты дома? Макс?

Рука потянулась открыть холодильник, но замерла в воздухе, когда услышал ее голос. Даже дрожь пошла по телу, и сердце забилось чаще.

— Максим?

— Да, да... это я, привет. Прилетела?

— Привет.

Обернулся, был не готов увидеть Ингу такой... такой красивой и... хрупкой.

До рези в глазах красивой, даже в полумраке кухни, такой настоящей, естественной.

Влажные волосы, лицо без косметики, уставший взгляд синих глаз, припухшие губы, в мочках ушей маленькие бриллиантовые капельки сережек. Длинный шелковый халат прилип к влажному телу, высокая небольшая грудь, под тканью четко выделяются соски.

— Не слышала, как ты зашел, извини. Только с самолета, перелет был ужасным, пять часов подряд рядом плакал маленький ребенок, уши еще заложило, долго контроль проходили. Потом эти пробки на дорогах, я от них отвыкла.

Она облизывает губы, проводит по волосам ладонями, прикрывая глаза, не смотрит на меня. Действительно выглядит уставшей, но не менее красивой.

Открывает шкаф, разглядывает бутылки с вином, но берет начатую — с виски, любимый сорт отца, двадцатипятилетней выдержки, он любил в сорок лет двадцатипятилетних девок, женился на одной такой.

— Будешь? — обращается ко мне, но, не дожидаясь ответа, наливает в два бокала совсем немного алкоголя, на один глоток.

Берет свой, снова поворачивается, матовое стекло к губам, делает глоток, вновь не смотрит на меня, о чем-то задумалась. Подхожу, но мне не нужен алкоголь.

Мне нужна она.

Давно нужна. Два года.

Не знаю, как так получилось. Хотеть мачеху — это вообще последнее дело, край, как бы я сам сказал. Хотеть жену своего, хоть и покойного, отца. Это нормально?

Нет, это ни хера не нормально. Это херня полная.

Нахожусь совсем близко, вдыхаю, пахнет луговыми травами, любимый гель для душа Инги, у меня есть такой же, купил специально, дурак, капец какой.

— В филиалах бардак, пришлось уволить двух директоров, разгребать за ними дерьмо. А потом еще налоговая, прокуратура, головняка хватило на два месяца. Думала, уже не вырвусь оттуда никогда.

— Устала?

— Хм... есть немного.

Наконец смотрит в глаза, а у меня перехватывает дыхание и сердце заходится в бешеном ритме. Нет, это не просто влечение, с которым я борюсь вот уже не первый год, это болезнь.

Может, к психологу пора? Или к психиатру сразу, на дурку?

Инга улыбается, прикусывает нижнюю губу, но в глазах нет веселья, ее тоже что-то волнует.

— Как ты, Максим? Извини, я так и не спросила.

— Не знаю.

Отец погиб два года назад, автокатастрофа, но все понимают, что это было все подстроено кем-то, а вот кем — следствие так и не выяснило. Дело уже закрыто, все списали на несчастный случай, якобы водитель отца не справился с управлением, автомобиль съехал с трассы, перевернулся несколько раз и взорвался.

Для всех это было шоком. Но Инга не стушеввалась, не рухнула в горе, взяла управление бизнесом отца на себя. А я считал ее лишь куклой, красивой игрушкой отца, которую он таскал с собой и показывал всем, хвастаясь, какая у его жены упругая задница. Но я даже не знал, что моя мачеха имеет красный диплом престижного экономического университета.

Голос хриплый, во рту сушит, выпиваю залпом виски,двигаюсь ближе, задеваю локтем Ингу. Стоим практически в темноте кухни, в ушах шумит кровь, возбуждение накрывает волной.

Сколько бы девок у меня ни было, всегда думаю о ней, не хочу этого делать, но все равно думаю. Представляя, какие у нее на вкус губы.

— Максим?

— Да?

— Что... что происходит, Макс? С тобой все хорошо? Ты бледный.

Чувствую, как Инга напрягается, как делает шаг назад, но не уходит, смотрит на меня.

— Нет... думаю, что нет.

Срываюсь, хватаю за талию, резко притягиваю Ингу к себе, я уже не сопливый, худой и прыщавый подросток, я взрослый, крепкий, высокий. Пять раз в неделю в качалке.

Я беру всегда то, что хочу, для меня нет запретов, но...

Но... вот только она... эта женщина для меня единственный запрет и табу.

Искушение.

Гребаное, мать его, искушение.

Но сейчас не могу сдержаться, два месяца не видел ее, соскучился до чертиков, как пелена на глаза упала. Схватил за шею, сжимая влажные волосы, ударяясь зубами, впиваясь в губы поцелуем. Они невероятно мягкие, влажные, с вкусом виски и чего-то сладкого. Другой рукой пытаюсь задрать халат, хочу почувствовать под ладонями ее кожу.

— Максим! Макс!

— Черт!

— С ума сошел?!

Звонкая пощечина оглушает, щеку жжет, Инга отталкивает меня, позволяю ей это, в груди все клокочет.

Так мне и надо.

Захотел то, что нельзя.

ГЛАВА 2

Не успеваю подумать над тем, что случилось, губы все еще горят от поцелуя, дышать нечем. Я в своей спальне. Телефон разрывает тишину, хватаюсь за него, как за спасательный круг, быстро отвечаю.

— Да, алло, да, говорите.

— Ого-го, что с тобой, подруга? Ты от кого-то убегаешь, тебя преследуют? Инга, скажи, тебе нужна помощь?

— Нет, Марина, все хорошо. Извини, как-то так задумалась, звонок напугал.

— Ну, наконец-то моя любимая подруга вернулась из заточения, куда она сама себя определила. Ну как там, всех менеджеров поставила раком и трахнула straponом? Можешь не отвечать, я буду знать, что это было именно так. Я считаю, что ты была бы очень сексуальна со straponом.

— Прекращай, Марина. — Морщусь, вечно эти Маринкины фантазии хлещут через край до пошлости.

— А что такого я сказала? Вообще-то я соскучилась. Тебя не было два месяца, два, дорогая моя. Ты пропадала в какой-то дыре, вытягивала из жопы бизнес своего покойного мужа, хотя можно было спокойно его продать и жить припеваючи в Италии. Каждый день пить дорогое вино и встречаться с горячими итальянцами.

— Ты уже об этом говорила.

— Скажу еще, в тысячный раз: я не хочу, чтобы ты погибла, но уже в работе, как Иван. Я хочу, чтобы ты уже отпустила его и жила полноценной жизнью. Думала о себе, а не о том, как же удержать на плаву то, что в итоге достанется не тебе, а сыну Ивана.

— Он достанется ему по праву наследства, но есть и моя часть.

— Вот ты, как всегда, думаешь о ком-то, а не о себе, заметь. Ты думаешь о других, но пора уже это прекращать, подруга.

— Марина, на самом деле, хватит уже. Я с дороги, я устала, я хочу отключить телефон и мозг и просто спать трое суток.

— Ладно, хватит, извини. Я завожу все ту же пластинку каждый раз, как с тобой разговариваю, но ты меня перебиваешь и безбожно портишь головку проигрывателя.

Падаю на кровать, смотрю в потолок, рядом горит только ночник, шелковый халат распахивается, я под ним совсем обнаженная. Трогаю кончиками пальцев припухшие губы, которые все еще горят от поцелуя Максима.

Это все неправильно. Так не должно быть. Он мой пасынок. Я его мачеха.

Что за бред вообще?

Но ему уже девятнадцать лет.

Он уже не прыщавый долговязый подросток. Как-то так быстро и незаметно он вырос в молодого мужчину — выше меня на голову, с широкими плечами, мускулами, щетиной на лице. Да еще с этими татуировками по телу, которых я даже не замечала. И когда он успел их набить?